

Л. Гроссман

Путь Достоевского

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Л11

Л11 **Л. Гроссман**
Путь Достоевского / Л. Гроссман – М.: Книга по Требованию, 2014. – 242 с.

ISBN 978-5-458-55635-4

ISBN 978-5-458-55635-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

Тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола. Я не про войну лишь одну говорю и не про Тюильри; я и без того знал, что все пройдет, весь лик европейского старого мира — рано ли, поздно ли... Но как носитель высшей русской культурной мысли я не мог допустить того, ибо высшая русская мысль есть всепримирение идей...

У нас создан веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире — тип всемирного боления за всех. Это тип русский...

В Европе этого пока еще не поймут. Европа создала благородные типы француза, англичанина, немца, но о будущем своем человеке она еще почти ничего не знает. И кажется еще пока знать не хочет. И понятно: они не свободны, а мы свободны. Только я один в Европе, с моей русской тоской, тогда был свободен...

Подросток, ч. III, гл. VII.

Старая Русса, зима 1875 г.

В основу настоящей книги положен этюд „Путь Достоевского“, помещенный в юбилейном сборнике „Творчество Достоевского“ (1921). Для отдельного издания мы восстановили опущенные части этого опыта, переработав весь текст по новым данным и включив в него дополнительные главы. Но и в таком развернутом виде предлагаемая работа не ставит себе строго биографических задач. Автор стремился дать синтетический очерк духовного роста Достоевского на фоне его личных впечатлений, встреч, увлечений, дружб, чтений и общих условий его трудного жизненного пути. Наметить главные этапы той подлинной интеллектуальной драмы, какой оказался для Достоевского процесс выработки законченного философского мирозерцания, — такова была наша задача. Изучение некоторых проблем его творчества составит второй том настоящего исследования.

Одним из главных источников нашего рассказа были личные беседы с А. Г. Достоевской, сообщившей нам зимой 1916 — 1917 гг. не мало неизвестных сведений о жизни и личности своего покойного мужа. Право пользования неизданными рукописями Достоевского для монографии о нем было тогда же

предоставлено нам вдовой писателя и впоследствии неоднократно подтверждалось администрацией Исторического Музея. Это дало нам возможность обосновать на свежих, до сих пор неопубликованных страницах текст предлагаемой работы. За это драгоценное для исследователя право автор приносит глубокую благодарность памяти Анны Григорьевны Достоевской, так же, как и руководителям Российского Исторического Музея в Москве, оказывавшим ему в течение ряда лет свое неизменное гостеприимство.

3. I. 1924.

ВВЕДЕНИЕ

I

Творчество Достоевского представляется в своем целом философской драмой. Борьба за мысль и искание цельного исповедания — вот сущность его сложных романических композиций. Его роман — это философия *in actu*, это созерцание идей в действии, в движении, в борьбе, в процессе непрерывных перестроек и вечного обновления. Это не столько окончательные истины, открытые с непререкаемой несомненностью и провозглашенные с безусловной категоричностью, сколько искание философии, тревожное и мучительное влечение к ней, шествие к далекой и ускользающей правде сквозь сложные нагромождения столкнувшихся сомнений и верований.

Драматизм действия и форма диалога особенно подходят к этому творчеству. Это вечно движущееся, безостановочно стремительное состояние возрений Достоевского не могло бы воплотиться в спокойную форму окончательного изложения и стройной системы доказательств. Форма беседы или спора, где различные точки зрения могут поочередно господствовать и отражать разнообразные оттенки противоположных исповеданий, особенно подходит к во-

площению этой вечно слагающейся и никогда не застывающей философии. Перед таким художником и созерцателем образов, как Достоевский, в минуту его углубленных раздумий о смысле явлений и тайне мира, должна была предстать эта форма философствования, в которой каждое мнение словно становится живым существом и излагается взволнованным человеческим голосом.

В силу органических свойств своей творческой натуры Достоевский должен был притти к этой системе платоновских размышлений. Сам он преимущественно учился философии в разговорах со своими друзьями — в беседах с Аполлоном Григорьевым, Страховым или Вл. Соловьевым, и неудивительно, что его собственное учение о мире приняло форму диалога.

Но трагический гений Достоевского на этом не остановился. Драма идей становилась для него глубже, напряженнее и острее от внесения в нее элементов действия, борьбы, столкнувшихся страстей. Ему нужен был цельный человек со всеми его порывами и метаниями для отвлечения основных жизненных истин. Это и привело его к подлинной философской драме, к созданиям, напоминающим по своему внутреннему тону шекспировскую „Бурю“, гетевского „Прометея“ или байроновского „Манфреда“. В дальнейшем углублении она приближалась к религиозной драме — к мистерии, сущность которой и являют его большие романы.

Недаром книга Иова — этот величайший философский диалог и глубочайшая религиозная драма всех времен — так поразила Достоевского еще в ранние годы и так волновала его в эпоху создания „Братьев Карамазовых“.

II

Но, несмотря на этот характер искания, устремления и борьбы, кардинальные истины и главные тенденции его мировоззрения четко выделяются из этой движущейся системы понятий и образов. У Достоевского, несмотря на его пребывание в вечном процессе выработки своего исповедания, была своя философия, поразительно цельная по единству своего центрального ядра и непрерывности в его развитии.

Четко различаются и отдельные части этой философской системы. У Достоевского прежде всего была своя эстетика. Проблема красоты постоянно занимала и мучила его и подчас ужасала неуловимостью своей тайны, томительной неразгаданностью своего существа. Но это нисколько не ослабляло его интереса к этой проблеме. Он долгое время носился с идеей специального трактата о сущности христианского искусства. В его журнальных статьях о выставках или новых книгах звучат отголоски этой продуманной эстетики, а из различных замечаний его о живописи или лирике можно выделить целое учение о законах прекрасного.

Не подлежит сомнению, конечно, что этика занимала господствующее положение в философской системе Достоевского, и проблема религии тесно соприкасалась у него с областью морали. Его не пленяет идея одинокого бога, оторванного от человечества, и религиозная идея венчает его раздумья о смысле жизни, о правде мира. Вера Достоевского вырастает из нравственных потребностей и всеми своими корнями погружена в болящую совесть, встревоженную фактом мирового зла. Отсюда — его близость к проблемам общественности, к правовой философии, взятой в широком смысле и понимаемой, как социальная этика.

Совершенно очевидно, что вопросы личности в ее взаимоотношениях с окружающей средой и государством стояли постоянно в центре раздумий творца Раскольниковова. Если проследить весь пройденный им творческий путь, станет ясно, что с первых же своих шагов до самого конца он не перестает искать разрешения труднейшей философской и жизненной проблемы: как обеспечить отдельной личности, необходимо поставленной в условия общественного существования, полную свободу ее независимого и часто прихотливого духовного роста? Как совместить свободу отдельного индивидуума с непреложными законами коллектива? Как сочетать для совместного существования эти развернувшиеся индивидуальные воли, ни в чем не посягая на их внутреннюю свободу, но, вместе с тем, стремясь согласовать их для